

Право на прошлое

Отрывок из одноимённой книги

Воспоминания... кому нужны?
Воспоминаниям не верьте.
Так, разве для себя...
Так, разве для тебя...
Вновь растревоженные сны
За несколько минут до смерти?

П. Фатьянов

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ ДВОИХ

Странное испытываешь ощущение от необходимости погружать себя в океан давно ушедших дней... Я был уверен, что безнадежно упустил время «собирать камни». А разбрасывал я их много и бездумно. К счастью, память моя ещё способна цепко удерживать немало событий и фактов такой долгой и такой быстротечной жизни, этого драгоценного дара Небес. Почему я не написал мемуары раньше? Попытки были, но безуспешные: не нашёл достойного партнёра, способного выразить всё так, как мне бы того хотелось. Пока не начал работать со своей нынешней женой. Многие факты были бы упущены, если бы у неё не хватило упорства с пристрастием допрашивать меня о, казалось, навсегда забытом, докапываться до самых сокровенных глубин, неожиданно порой для меня самого напоминать эпизоды, которые она записывала с моих слов в течение нескольких лет нашей дружбы. Не было бы многих лирических и философских отступлений и той эмоциональной окраски в описаниях, которые именно она смогла дать ярко и живо, словно сама пережила всё вместе со мной. Думается, это благодаря нашей удивительной духовной близости. И вот перед вами продукт нашего содружества, сотрудничества и соавторства. Кому-то название книги покажется тривиальным. Конечно, любой имеет право на своё прошлое. Не стану этого оспаривать. Но я имею в виду то прошлое, естественным продолжением которого должно было стать моё будущее. Вначале я намеревался назвать воспоминания «Право на утраченное прошлое». Однако согласился с моим соавтором: право на то прошлое, на которое претендую я, как часть его, невозможно потерять – оно принадлежит России, ибо для России жили, воевали, трудились и писали мои прародители. И право это дано мне вместе с фамилией. С детства уготованная мне карьера военного или дипломата согласно традициям предшествующих поколений, князей Щербатовых и Барятинских, не состоялась в силу вмешательства в судьбу обстоятельств от меня не зависевших. Расскажу, как сложилась моя жизнь.

Князь Алексей Щербатов

Теперь кажется, всё это было давно, словно в другой жизни, когда, приехав по делам в Нью-Йорк, я страдала от отсутствия русских книг и друзей. Какофония чужих языков на улицах, непрерывный английский со всеми сленгами мира в моём рабочем офисе доводили до иступлённой жажды общения на родном языке. Спасение, как часто случалось со мной в минуты, отравленные безысходностью, явилось в писании стихов и рассказов, рождавшихся будто помимо воли. Однако любому пишущему нужна аудитория хотя бы из одного слушателя. Даже этого единственного тогда не было. Пока не свела меня судьба с Алексеем Павловичем Щербатовым. И если вначале я потребительски использовала время этого безотказного человека, ревниво следя за его реакцией в моменты чтения моих произведений в ожидании очередной похвалы, то довольно скоро сама превратилась в слушательницу.

Его рассказы: то трагичные, то забавные – вместе с неповторимым голосом проникали в душу, в сердце, в сознание, завораживали, рождая яркие видения и образы. А чего стоили долгие телефонные разговоры, когда он «сыпал» историческими сведениями и датами? Я, полная энтузиазма, старалась записывать всё им сказанное на оборотной стороне договоров с американо-советскими компаниями, на полях газет. Но попытки успеть за этой уникальной информацией заканчивались невообразимой путаницей: меня приводило в отчаянье несоответствие услышанного с полученными на уроках истории представлениями. И вместе с накапливавшимися вопросами яснее вспыхивало понимание: непозволительная роскошь – «раскатить» подобные энциклопедические знания по телефонным шнурам. Всё, чем владеет этот необыкновенный человек, этот свидетель живой истории и сам – её часть, должно быть собрано вместе, как рассыпавшееся ожерелье из драгоценных камней. Нужно немного ювелирной работы и терпенья, чтобы украшение имело достойный футляр и хранилось в соответствующем для него месте.

Сообща мы пытались найти литературного партнёра для написания его мемуаров, но, по выражению самого Алексея Павловича, «комбинации были неудачными». Наконец, уступив уговорам, я согласилась попробовать «выручить его» и, надо сказать, не без вдохновения взялась за свою часть работы, нанизывая факты историка на нить, соединившую нас.

Лариса Щербатова

О РОССИИ

И кнутом и пряником потчевала судьба меня. Трудно однозначно сказать, чего больше выпало на мою долю. Оттенок же некоторой трагичности, кажется, был предопределён мне с самого первого мгновения земной жизни. Родился я в 1910 году 1 ноября (по старому стилю), в тот момент, когда комета Галлея, являющая свой лик Земле каждые семьдесят пять – семьдесят шесть лет, пролетала над Петербургом. Это заинтересовало увлекавшегося астрологией дядю моей матери Ивана Викторовича Барятинского, и он заказал для меня гороскоп у известного в то время специалиста. Сейчас, по прошествии времени, интересно было бы сравнить его с прожитым. Возможно, он всё ещё среди моих бумаг, оставленных в Брюсселе. Припоминаю лишь несколько пророчеств: «Жить вы будете далеко от России и не вернётесь туда даже умирать. Будут в жизни сильные перепады, взлёты и падения, но всё утихомирится, и вы чего-то достигните».

Разметала ли комета судьбу мою по белу свету, что собирал десятилетиями, скитаясь по миру, или, напротив, дала мне силу столько раз удерживаться на краю пропасти. Кто знает? Одно не подлежит сомнению: когда бы ни врывались в жизнь мою воспоминания, чаще всего начинались с ялтинского периода, очевидно, именно в этот момент произошёл самый крутой поворот в моей судьбе. Между прочим, в Крыму сбылось одно из предсказаний...

В двадцатых числах июня 1917 года мы всей семьёй уезжали в Ялту из пульсирующего тревожными событиями предреволюционного Петрограда с надеждой, что скоро всё утрясётся, затихнет, вернётся на круги своя. К отъезду начали готовиться с марта, почти сразу по приезду отца с фронта. Мне иногда кажется, что он умышленно тянул время, ожидая перемен к лучшему. День долгожданного возвращения не был окрашен радостью победы, и детские «ура» при появлении главы семьи были надломлены предостерегающими взглядами мамы.

Отец оставил службу после отречения государя (14 марта 1917 года), повлёкшего за собой, помимо многих нововведений Временного правительства, приказ за подписью военного министра Александра Гучкова об увольнении из армии сторонников монархии, не лояльных по отношению к новому руководству страны. Собственно, документ представлял собой список, по которому освобождались от службы национально настроенные кадровые офицеры, настоящие русские патриоты. Помню, что бывшие сослуживцы отца, собиравшиеся в нашем доме, однозначно восприняли этот факт как начало разрушения России. Им, кадровым военным, было ясно, что именно высокообразованное русское офицерство всегда являлось стержнем армии и надёжным оплотом государства Российского. Разочарованный непониманием этого очевидного обстоятельства со стороны чиновников, непривычно раздражённый, отец пытался бунтовать. Будучи полковником лейб-гвардии Гусарского полка, он должен был пойти в отставку в чине генерал-майора, но отказался. Пришёл в своей форме полковника в знак протеста действиям Временного правительства, которое не признавал.

Прошедший войну, тяжело переживавший отречение и свой уход из армии, он очень изменился: всегда весёлый, любивший играть с детьми, стал мрачным, погружённым в себя, словно предчувствовал грядущие беды. Тем не менее вопрос о том, чтобы покинуть Россию, никогда не рассматривался на семейных советах. Однако было решено временно отправить семью в Ялту. Помнится, что мать, не меньше любившая Россию, с облегчением вздохнула.

Мне это было понятно: одним из самых сильных впечатлений детства остались её слова при обсуждении покупки имения на деньги, полученные отцом от тётки, графини Толстой, в наследство. Кто-то предлагал сделать это в Италии или на юге Франции. Мама сказала тоном, не терпящим возражения: «Нет. В России, в Витебской губернии. Там чудные леса и озёра». Шёл 1913 год, мне не было и трёх лет, но запомнилось: «Только в России», так сказала мама.

БОЛОВСК

Только в России, – так сказала мама.

Родители тогда же поехали в Витебскую область и купили огромное имение Боловск, около самого большого озера, недалеко от станции Резня.

Позднее эта часть, примыкавшая к советской границе, перешла к Латвии. Какой красивый был этот дом, ампир начала 19-го века. С утра пораньше, когда все ещё спали, я отправился исследовать новое жилище и первым делом спустился вниз, на кухню. Повар наш, поляк Доминик, судя по всему, собирался готовить любимые мной пирожки, и на столе соблазнительно набухало желтоватое, гладкое тесто. Недолго думая, я запустил в него свои пальцы – приятное ощущение тепла заворожило кухонным таинством, но повар довольно быстро прервал моё занятие, сурово заметив, что делать этого не следует. Я огорчился: не ожидал от человека, баловавшего меня жаворонками из теста и лёгкими куриными котлетами такого грубого вмешательства, но интереса к кулинарии не потерял. До сих пор люблю готовить и порой угощаю друзей своими кулебяками, какие вряд ли можно найти в самых изысканных ресторанах Нью-Йорка. А ещё в Боловске мне впервые подарили собаку. Любимый товарищ, английский бульдог, назывался Булька. Была у нас с ним такая игра: я закладывал свою голову в его огромную пасть, чтобы получше рассмотреть – что там, а он терпеливо ждал. Родители пугались – мы веселились... Никому уж больше в жизни так не доверял я. В этом доме в августе 1913 года родилась сестра Ольга.

Лето 1914 года мы снова провели в Боловске. Эта поездка вспоминается с ощущением свободы, простора, чарующего изобилия зелени и... тревоги. На небе стали появляться некие красные знамения. Местные жители и слуги без конца обсуждали: «Частое красное небо предвещает страдания и ужасы для страны. Раньше такого не наблюдалось». Отец не обращал внимания, мать относилась к этому серьёзнее. Пожалуй, это всё, что осталось в памяти от самого раннего детства. Память вообще, а детская особенно, избирательна, в ней, по-моему, задерживается то, что тронуло душу и прошло через сознание. Разговоры о возможных военных действиях не забылись.

О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

ПЕТЕРБУРГ

Разговоры о возможных военных действиях не забылись. Действительно, в августе 1914 года была объявлена война. Как только родители узнали, что в Сараево убит эрцгерцог Франц Фердинанд, отец сразу принял решение – вернуться из Витебской губернии в Петербург. Тогда я в последний раз виделся с моим дедом Владимиром Анатольевичем Барятинским, героем войны за освобождение Болгарии, генерал-адъютантом трёх императоров: Александра II, Александра III и Николая II. Он был очень мил со мной:

– Я рад тебя видеть, мой дорогой Алексей.

– Дедушка, у тебя очень красивые сабли. Зачем тебе столько? – заинтересовался я его коллекцией оружия на персидских коврах вдоль стен.

– Настоящий мужчина, солдат должен знать все виды оружия и уметь ими владеть.

Дедушка был одним из моих кумиров, а я – его самым любимым внуком. К сожалению, он умер вскоре, в конце июля 1914, не успев узнать, что в первые же дни войны отец пошёл на фронт адъютан-

том великого князя Николая Николаевича, дяди Николая II, главнокомандующего русской армией. Великий князь был неплохой военачальник. Жаль, что государь сменил его так рано, в 1915 году, решив сам возглавить армию. Это было ошибкой. Генеральный штаб тогда находился в руках подозрительных элементов, таких как Бонч-Бруевич, бывший социал-демократ, после Октября ставший членом редакции большевистской газеты «Рабочий и солдат», будущий военный министр Поливанов и генерал Рузский. Ещё одно опрометчивое решение – участие в операции на территории Восточной Пруссии, закончившееся поражением русских. Отец говорил: «Какая глупость посылать лучшие войска для спасения Парижа. Мы понесём потери, нам же это ничего не даст». Так и произошло. Но фронт всё-таки держался. Вместе с Николаем Николаевичем, отстранённым от руководства армией, отец переехал в Тифлис, где располагалась штаб-квартира представителя царского правительства на Кавказе – кавказского наместника. Великий князь заменил графа Воронцова-Дашкова, ушедшего в отставку. Воронцов был известен как блестящий специалист старой школы, поэтому неудивительно, что Кавказская армия находилась в хорошем состоянии. И командующим фронтом был не менее талантливый военный: генерал Юденич. Проблема была одна – нехватка оружия. Перевооружение русской армии планировалось закончить только в 1919 году. Объявление войны было преждевременным. Мобилизация стала фатальной ошибкой, и те, кто толкнул государя на принятие такого решения, знали об этом.

Значительно позднее, в 1945 году, я встретился в Австрии с князем Гогенлоэ, дальним родственником по линии Барятинских, старым уже господином, бывшим австро-венгерским военным аташе в Петербурге в период правления последнего российского государя. Он с огорчением сказал: «Никогда не думал, что мой император и ваш пойдут на такую бессмысленную войну». Спустя столько лет он, опытный политик и умудрённый жизнью человек, так и не нашёл этому объяснения.

Первая мировая война, без сомнения, была шагом скоропалительным и неумным даже с экономической точки зрения: до 1914 года Германия и Россия были тесно связаны экономически. Россия поставляла в эту страну около тридцати-сорока процентов металла, хлеба, скота и масла в обмен на немецкие машины, импорт которых составлял примерно двадцать-тридцать процентов от общего объёма. Понимаю, что легко судить задним числом, но всё-таки кажется так очевидно, что именно с этой войны начались все несчастья: распад России, Австро-Венгрии, Германии. Разрушения в свою очередь создали почву, на которой выжили аномальные фигуры Гитлера, Ленина и их последователей. Многое сложилось бы иначе без этой войны.

А пока отец воевал. Наша петербургская жизнь ничуть не менялась: по-прежнему подавались хорошие обеды, приходили знакомые, наезжали гости. Мы, дети, очень любили посетителей, прислушивались к разговорам, ловили слова о войне, об отце. Особенно я. В ожидании нового знакомого я стрелой летел в свою комнату и надевал только что сшитую на заказ военную форму. Сёстры, конечно, надо мной подсмеивались, но меня это нимало не смущало. Жили мы дружно и друг друга любили. Нас у родителей, князя Павла Борисовича Щербатова и княгини Анны Владимировны, урождённой Барятинской, к тому времени было семеро. Я – шестой ребёнок и самый младший из трёх сыновей. Восьмая, Ксения, родилась в 1919 году в Ялте.

Как только началась война с Германией, члены Думы проголосовали за переименование города Петербурга в Петроград, усмотрев, без всякого на то основания, в старом имени немецкие корни. Между прочим, оба названия не укладывались в идею Петра I дать городу голландское имя Питер от русского Пётр. Примечательно, что после этого многие немецкие семьи, жившие в России, в срочном порядке стали изменять свои фамилии на русско-звучащие. Скажем: Шумахер стал Шуматовым, фон Рейнбот – Резвым. Помню, что, когда официально объявили о переименовании Северной столицы, императрица Мария Фёдоровна написала маме: «Боюсь, что скоро Петергоф будет звучать как Петрушкин двор». Я в своих воспоминаниях чаще использую старое название города: именно так большинство продолжало называть Петроград. Официально Петербург стал Петроградом с 1914 года.

В один из летних петербургских дней 1916 года у нас проездом остановились представительницы Австрийского Красного креста – две графини Ревертера, двоюродные сёстры моего отца. Дядя наш, Борис Борисович Щербатов, единственный штатский родственник по линии отца, его второй брат, приходил к нам почти ежедневно. Жил он на Сергиевской улице в большом прекрасном доме дедушки. Слыл дядя настоящим гурманом и за ужином с удовольствием предложил дамам отличные пирожные и десерт с репликой: «Видите, как хорошо едят у нас во время войны. Уверен, что в Австрии вас бы так не угостили». Сказал он это, конечно, в шутку, для поддержания настроения: по-

сле Петербурга сёстры отправлялись в далёкую Сибирь инспектировать пленных австро-венгерской армии, которых в России насчитывалось около двух миллионов. Но я тогда, может быть впервые, испытал чувство гордости за свою лучшую в мире страну, в армии которой сражался и мой отец. Родственницы искренне сожалели, что не встретились с ним. А их слова: «Кто знает, увидимся ли когда-то», вызвали недоумение: «Конечно, увидимся. После победы».

Отец приезжал домой сначала часто – из Могилёва и Барановичей, а с турецкого фронта и Кавказа лишь каждые два-три месяца, но всегда с оптимизмом говорил о военных успехах. Ещё в начале 1916 года он воодушевлённо рассказывал о взятии за короткий период крепости Эрзурума. Русская Кавказская армия тогда разбила 3-ю турецкую, благодаря чему были спасены от полного уничтожения армяне, которых к этому моменту погибло в Турции почти два миллиона. Нас эта победа так обрадовала, что родившегося накануне котёнка мы назвали Эрзурумом. В тот же приезд отец в подробностях описывал взятие второго города под названием Трапезунд – черноморский порт, бывший когда-то столицей Трапезундской империи – части Византии. Я помню эту новость. Послушать вести с фронта собирались все, радио тогда не было, единственная газета «Новое время» не давала таких живых и красочных описаний, как это выходило у отца. Я в те годы читать ещё не умел, только в Ялте в семь лет пристрастился к газетам. Думаю, что отцовские рассказы сыграли немалую роль в моём политическом становлении, базу для которого незаметно подготовила наша гувернантка, мисс Гофф, хорошо разбиравшаяся в политике.

МИСС ГОФФ

Мисс Гофф – наша гувернантка, хорошо разбиравшаяся в политике. И не только... С этой замечательной женщиной, жившей в нашей семье с момента женитьбы мамы, детям Щербатовых исключительно повезло. Мы её звали ласково – Гофочка.

Она попала в Россию во второй половине 19-го века, когда в Европе была сильная англоманья: эпоха королевы Виктории – джентльменство, особые манеры английских аристократов вызывали восхищение, стали модными. Молодым англичанкам из хорошей семьи была заранее обеспечена карьера гувернантки, можно сказать, международного масштаба. Существовала некая негласная градация: самым шикарным приглашением на работу для девушек считалось приглашение из России, потом Австро-Венгрии и, наконец, – из Америки.

Мисс Гофф – представительница семьи высокого социального уровня: дед Гофочки был английским лордом. Елене Гофф исполнилось восемнадцать лет, когда в начале 70-х годов 19-го века её наняли во вторую семью русского императора Александра II. Он не был разведён с первой женой, которая была больна и умирала, и жил с княжной Екатериной Долгоруковой, имея от неё троих детей. Долгорукова относилась очень тепло к гувернантке своих детей и, уверенная в её порядочности, ничего от неё не скрывала. Мисс Гофф, безусловно, знала всю подноготную семьи императора, но никогда нам ничего не рассказывала, кроме интриг княжны, непосредственно касавшихся семьи Барятинских, а именно, фельдмаршала. Ей было известно, что фельдмаршал Александр Иванович Барятинский был большим другом и шафером на первой свадьбе Александра II и, оставаясь преданным законной жене императора, не любил Долгорукову. Она ему платила тем же, стараясь сделать всё возможное, чтобы разладить их отношения, ослабить влияние на государя. В 60-х годах Долгорукова и её сторонники сумели использовать ситуацию, в которой оказался Александр Иванович, в своих целях.

Ситуация, надо сказать, сложилась щепетильная. Отдавший всю жизнь военным походам, влюбившийся лишь однажды в австрийскую принцессу Аусберг, фельдмаршал вдруг увлёкся замужней женщиной – Елизаветой Дмитриевной, урождённой княжной Орбелиани, Давыдовой по мужу. Гвардейский офицер Давыдов, живший отдельно от жены, казалось, не возражал против того, что его супруга имеет такого влиятельного любовника, как наместник Кавказа. Всё шло спокойно, пока, к всеобщему удивлению, Давыдов, видимо подогретый противниками фельдмаршала, не вызвал его на дуэль. Он прекрасно знал, что наместник государя не может принять вызов, и тем самым вынудил Барятинского уйти в отставку. Об этом мисс Гофф решила рассказать нам лишь по прошествии десятилетий, которые прожила в семье Барятинских, когда уже выросли дети Долгоруковой и не было Александра II. Уверен, что она очень любила государя: платок, окропленный кровью умирающего императора, возила с собой повсюду, я видел его, почти истлевшим, в Бельгии. Также тепло

мисс Гофф вспоминала воспитанников императорской семьи, которые после смерти первой жены и регистрации брака родителей, были названы Юрьевскими.

Забавно, что на одной из Юрьевских, Екатерине, в 1898 году женился мой дядя, Александр Владимирович, старший брат матери. Прошло столько лет, но Бярятинские ничуть не изменили своего отношения ко второй семье императора Александра II и были против этого брака. Мой дед не поехал на свадьбу к дяде в Биарриц, сказав: «Невозможно». Получился большой скандал, поскольку бабушка на церемонии тоже не присутствовала. И это несмотря на то, что Юрьевские были узаконены, царский министр Лорис-Меликов по указанию царя уже подготовил манифест, согласно которому Долгорукова объявлялась императрицей, а дети – великими князьями и княжнами. Причин тому было несколько: мой дед, любивший своего дядю фельдмаршала и гордившийся им, чувствовал себя оскорблённым. При этом не терпел Лорис-Меликова, не как политика, а как человека, не доверял и Милютину, считая, что оба «выплыли» в Свет при содействии фельдмаршала и оплатили ему чёрной неблагодарностью – предали, сдружившись с Долгоруковой. Зато она оценила обоих: и тот и другой получили графские титулы, а Милютин стал фельдмаршалом. Надо согласиться, что Долгорукова играла большую политическую роль, умея влиять на Александра II, который, при большом уме, не обладал достаточно сильным характером. Однако сын его Александр III, ставший императором, мачеху не любил и приложил все усилия к тому, чтобы она покинула Россию. Остаток жизни Долгорукова провела на юге Франции и умерла в 1921 году.

Много больше о жизни Александра II и периоде его правления я почерпнул не от гувернантки его детей, а от тётки – Марии Владимировны Бярятинской, родной племянницы фельдмаршала, а ещё из интереснейшей переписки Александра II с Александром Ивановичем Бярятинским, письма которых находились в моём архиве.

История интриг Долгоруковой была прекрасно известна мисс Гофф, и, мне кажется, она тогда больше симпатизировала Бярятинским, поскольку сразу согласилась на их предложение занять место гувернантки четырёх девочек и трёх мальчиков в семье моей бабушки. Детей вскоре осталось только шестеро: старшая дочь Мария, или Мими, как её называли, умерла. Второй дочерью была моя мать, затем тётка Ирина (Мальцова) и Елизавета (Апраксина), сыновья: Александр, Анатолий и Владимир. Очень скоро мисс Гофф сделалась всеобщей любимицей и, фактически, членом семьи. Бабушка объявила: «Кто первый выйдет замуж, получит мисс Гофф для своих детей».

Первой в 1900 году вышла замуж моя мама, в 1901 родилась наша старшая сестра Надежда, и мисс Гофф перешла к нам. Она начала заниматься мной, когда мне исполнилось четыре года, заменив няню Милену, добрую, но безалаберную и неорганизованную. Я довольно быстро понял разницу между ними, а вскоре оценил ум и мудрость нашей гувернантки.

Однажды, в конце апреля – начале мая 1917 года, мы возвращались с прогулки мимо дома известной балерины и бывшей пассии Николая II, когда он был ещё наследником, Матильды Кшесинской. С её балкона выступал Ленин. Я уже знал, что это плохой человек, но его эмоциональная речь собрала много народа и почему-то притягивала. Было трудно пробиваться через толпу, заполнившую улицу, и мне казалось, что все наши усилия и мысли были направлены только на то, как поскорее преодолеть эту «пробку», что никто из нас особенно не прислушивается к словам выступавшего. Да и мисс Гофф несколько раз повторила: «Не слушайте его, не слушайте. Идём домой, мы опаздываем». Но, как выяснилось, я был не прав. Мы опоздали на завтрак, и дядя Борис спросил Гоффочку:

– Что случилось?

– Прошу прощения, князь, нас задержала толпа у дома мадам Кшесинской.

– Ах, да, знаю. Я проходил там. Видел, как этот сумасшедший говорил глупости с балкона.

– Дорогой князь, вы ошибаетесь, он не сумасшедший. Это самый опасный для России человек.

Она, конечно, была старше (около пятидесяти лет) и опытнее, но какое предвидение... В свои шесть лет я отнёсся несерьёзно к этому замечанию, тем более что Гоффочка, по моим понятиям, не совсем русская, язык выучила только в России. Гораздо позже я понял, что её аналитический ум, умение всё упорядочить были достойны подражания. Увы, порядку у своей любимой гувернантки я так и не научился, хотя она знала, как поддерживать хорошие начинания.

Помню, как мы пошли гулять в Таврический сад с сёстрами Анной и Еленой, Гоффочкой и немецкой овчаркой по кличке Волчок. Начиналась Февральская революция, государь уже отрёкся, Ленин был в Петрограде, и повсюду – пьяные солдаты. Один из них отделился от группы и штыком от-

пихнул мою любимую собаку. Волчок взвизгнул и оскалился. Я обернулся к хохочущей толпе со словами: «А ты вместо того, чтобы мучить мою собаку, шёл бы на фронт». Все засмеялись, Гофочка быстро увела нас. Я думал, она меня осуждает, но дома гувернантка сказала: «Какой ты молодец, Алексей, совсем не испугался». А дядя Борис отреагировал по-другому: «Как опасно. Он мог ударить и тебя». Я был горд собой, хотя в тот момент мысли о геройстве вряд ли пришли мне в голову, просто шесть лет – возраст без страха.

Была ещё одна незабываемая прогулка по революционному Петрограду марта 1917 года. Мисс Гофф взяла сестёр и меня за покупками на Невский проспект. Главная улица города после февраля почти не изменилась: по-прежнему встречалась нарядная публика, время от времени проезжали многочисленные автомобили, и лишь одна деталь назойливо бросалась в глаза: тротуары были усыпаны скорлупой от семечек. Раньше сорить не позволялось, и улицы содержались в идеальной чистоте, а теперь всё выглядело заплёванным, запущенным, идти было забавно, но неприятно. Ещё большее удивление ждало нас на обратном пути. Из магазина мы выходили под странный грохот. Создавалось впечатление, что рушились здания. Я с сомнением посмотрел на гувернантку и спросил:

– Что это, Гофочка?

– Это безумцы сбивают с вывесок двуглавых орлов.

Многие магазины Невского, поставлявшие продукцию ко двору Его Императорского Величества, угодливо избавлялись от дореволюционного прошлого, сбивая с вывесок золочёные знаки Российской империи. Стук молотков и разбитые вдребезги беззащитные птицы так и остались в моей памяти как символы невозполнимой утраты чего-то большого и надёжного. Петровской империи.

Несмотря на возможную опасность в революционной неразберихе, мы не изменяли своей привычной жизни до самого отъезда из Петрограда. Наша гувернантка, а иногда мама ежедневно водили нас гулять в Летний и Таврический сады. Но основное время дня проходило в доме, сначала на Миллионной улице, позднее на Таврической, 17. В новый дом мы переехали в конце 1916 – начале 1917 года. От Миллионной до Таврической очень близко: лишь повернуть направо по Дворцовой площади, но мне наш новый дом не нравился. Возможно потому, что из окна больше не было видно Невы, а может быть, я не привык ещё к переменам мест, которых в последующей жизни случилось немало. Впрочем, в один из дней конца марта я даже обрадовался, поняв, что наш балкон выходит на широкую улицу, где можно наблюдать за демонстрациями и шествиями. Услышав законный шум, выскочил на балкон и обнаружил красочное зрелище: конница с красными флагами, весёлая, радостная, шумная, разноцветная толпа. Увиденное вызвало во мне ответную бурю восторга, и я захлопал в ладоши, пока неожиданно мама не прервала моё развлечение непривычно громким окриком: «Перестань аплодировать, государь отрёкся». В тот момент я не понял всерьёз, что случилось, но остался тоскливый осадок, ещё сильнее отвративший от нового дома.

Неприятие Таврического особняка я больше всего переносил на старшую сестру: переезд был необходим, в основном, для Надежды, приближающееся совершеннолетие которой вынуждало семью иметь большую бальную залу, чтобы давать приёмы и балы, вести светскую жизнь. «А нас, значит, никто не спрашивает. Сиди и сиди в этом доме», – думал я. На улице играть не разрешалось, а с кузенами теперь общались редко: Мальцовы и Апраксины уехали во время войны на юг, и моих ровесников практически не осталось. Дети Сергея Щербатова старше меня: Борис – на тринадцать лет, уже оканчивал лицей, Дмитрий – на десять.

Кто бы мог тогда предположить, что мальчикам Щербатовым оставалось жить совсем недолго? Дмитрия вместе с другими родственниками расстреляли чекисты в самом начале 1921 года под Смоленском. Бориса в 1918 году пригласили в качестве переводчика для работы с англичанами в Северную армию генерала Миллера. Английская интервенция в районе Архангельска закончилась ещё до разгрома этой армии красными. Англичане, мало заинтересованные в помощи России, фактически предали белых соратников: бежали в 1920 году, успев вывезти огромные запасы леса. Борис остался с сослуживцами и попал в число нескольких сот молодых офицеров и юнкеров, которых чекист Михаил Цидербаум-Кедров, психически больной человек, недавно выпущенный из сумасшедшего дома, распорядился посадить на баржу и взорвал её в Белом море. Все, конечно, погибли. При встрече с Керенским, среди многих вопросов, я задал ему и этот: «С какой целью распоряжением Временного правительства были выпущены из тюрем и больниц уголовники и сумасшедшие?» Александр Фёдорович, как обычно, прикрылся философским рассуждением о свободе для всех. Известие о

гибели Бориса мы получили уже в Ялте. И я в тот момент пожалел, что так мало с ним общался. Он был настоящий юный джентльмен, очень элегантный, умный, милый.

Мне кажется, что с Апраксиными и Мальцовыми мы единственный раз собирались вместе: в 1915-м военном году ездили на Пасху в Александровский дворец к детям императора Николая II. Государя в тот приезд не было, вероятно, находился в штабе (ставке) верховного главнокомандующего. Обычно нас подводили к нему, и мы просто кланялись. Старшие дочери встречали гостей в формах медсестёр: во время войны княжны вместе с матерью окончили курсы сестёр милосердия и работали в госпитале Царского села, ассистируя при операциях. Императрица Александра Фёдоровна, всегда обаятельная, добрая, по очереди обнимала, целовала нас, гладила по головам. Она была красивая, но её сестра Елисавета Фёдоровна считалась необыкновенной красавицей, от неё, как утверждали взрослые, все мужчины были без ума. Я же больше всех из царской семьи любил Марию, какую-то особенно ласковую и внимательную. Младшие дети, как и мы, одевались преимущественно в матроски, говорили все исключительно по-русски, Александра Фёдоровна – с едва заметным приятным акцентом. Моя мать иногда вела с ней беседу на английском, её язык был идеальным, в отличие от отца, больше любившего французский. Мама чаще общалась и дружила с матерью государя Марией Фёдоровной, более открытой в отличие от своей невестки. Но самой настоящей подругой мамы всегда была сестра Николая II Ольга Александровна. Пока взрослые разговаривали, дети пили чай, горячий шоколад и какао, к которым подавали яблочный торт. Потом мы немного играли, что не было столь уж интересным. Те же игрушки, что и у нас дома, меня мало привлекали. Помню, что электрическая железная дорога у царевича Алексея имела лишь другие названия станций, у него точно не было моей любимой, именованной «Дно». В ожидании главного события все, по-возможности, степенно прогуливались, разговаривая кто о чём. Событие, ради которого мы собрались, было следующее: накануне праздника императрица прятала между подушками, в складках мягкой мебели маленькие изделия Фаберже, крошечные золотые яйца, разные сувениры. А потом приглашённые дети развлекались, разыскивая эти предметы. Мне тогда досталась одна или две вещицы, не помню. В пять лет это не так важно, зато происходило всё весело и шумно. Так, по моим понятиям, и должно быть в доме: весело и шумно.

А на Таврической всё казалось скучным, даже бегать стало неинтересно. Это, по-моему, то, чем я в основном и занимался от избытка энергии, хотя игрушек у нас было очень много. Больше всего я любил свою электрическую железную дорогу и изготовленных в Германии ещё до войны несколько сот раскрашенных оловянных солдатиков в формах французской, немецкой, австро-венгерской армий, Семёновского, Преображенского полков, лейб-гусаров. Игрушки, даже любимые, тоже надоедают. Тогда я придумывал что-нибудь необычное: один раз выкидывал из окна гулявшим на улице детям мелкие серебряные вещи, какие-то стаканчики, то ли желая их порадовать, то ли привлечь внимание к себе. Однажды Гофочка даже сказала: «Хорошо, что ты болен, Алексей, теперь ты такой милый». Но я никогда не обижался. Она нас, как правило, сама не только учила наукам, но и лечила, хорошо разбираясь в гомеопатии. Сейчас мне кажется, что уж слишком часто мисс Гофф говорила: «Подойди ко мне, Алексей, ты перевозбудился, я дам тебе валерианки». В доме на Таврической, кроме мисс Гофф, жила горничная моей матери, Лина Ивановна Тауберг, которую мы звали Линчик, – добрая, домашняя, говорившая с милым акцентом. Незаконная дочь немецкого барона и эстонки, она воспитывалась в детском доме и считала, что с нами обрела семью. А ещё были горничные Дуня Зуйкова с Пашей и бывший денщик отца, Терентий Журавлёв. Слава Богу, мы вскоре покинули этот особняк, уехали вместе в Ялту. Отец предлагал всем четверым остаться в Петербурге, так же как позднее – вернуться из Крыма обратно, но никто не согласился. Им, конечно, хорошо платили, прекрасно относились, но, главное, мы все чувствовали себя родными. С нашей семьёй они прошли Константинополь и Болгарию, откуда Дуня вернулась в воронежское имение Анна, принадлежавшее моему деду, маминому отцу, а Паша осталась в Софии. Мисс Гофф, Лина Ивановна и Терентий продолжили путь изгнанников до Бельгии, где все похоронены в общем склепе на кладбище Коммуны Юккль. Гофочка умерла в 1932 году. Царство ей Небесное! Святая женщина. А Лина Ивановна скончалась через несколько месяцев после маминой смерти, в 1941. Говорила: «Княгиня меня просит к себе. Я скучно. Я нужен княгиня». Ей было почти девяносто лет, а маме – всего шестьдесят.

До отъезда в Крым каждое лето мы обычно выезжали из Петербурга в одно из имений. Одно лето мы провели в имении папиного отца.

«ТЕРНЫ»

Всего одно лето мы провели в имении папиного отца.

В 1916 году мы поехали к деду, Борису Сергеевичу Щербатову. Он, бывший участник военных действий на Кавказе и в Польше, был предводителем дворянства и жил в слободе Терны, что в Харьковской губернии, около Сум. Замечательное, огромное степное имение, красивейшая часть Украины. Впечатление: всё цветущее, благоухающее, богатое. Дом был очень большой и довольно красивой постройки конца 18-го века. Интересно было внутри. Отец деда собрал портреты всех украинских гетманов, начиная с Богдана и Юрия Хмельницких, заканчивалась галерея Муравьевым-Апостолом и Кириллом Разумовским. В другой комнате были две огромные картины Фрагонара. Дед тогда провёл детей по комнатам, словно по музею, с гордостью показывая любимые произведения искусства, оружие, военные доспехи. И либо всё сгорело вместе с домом в 1919 году, или было украдено, этого уже не узнать. Украшением имения был удивительной красоты парк, устроенный графиней Анастасией Васильевной Гендриковой, родной племянницей Екатерины I. Императрица была весьма умная и красивая женщина, хотя своеобразная. Что и неудивительно: совсем нелегко было жить с Петром Великим – полугением, полусумасшедшим и известным любителем выпить. Императрица умела ценить родственные связи. Титул, пожалованный ею ко дню свадьбы жениху своей сестры, Гендрикову, звучал внушительно: граф Священно-Римской и Русской империй. Их внучка Елизавета Михайловна вышла замуж за Александра Петровича Щербатова, моего прапрадеда, командира Нижегородского полка, сражавшегося на Кавказе. Род Гендриковых, к сожалению, закончился. А парк остался. Я каждый день гулял по нему, и мне хотелось, чтобы это длилось бесконечно, была здесь какая-то колдовская сила. И ещё в имении мне нравился заведующий Макар, необычайно умный и милый человек.

Поддерживая мой интерес к огородничеству, Макар водил меня по оранжереям, огромным полям свёклы, урожай с которых перерабатывался на двух сахарных заводах. Это богатое имение приносило большой доход, даже крестьяне были довольно состоятельными, при этом доброжелательными, улыбающимися. Мне там было удивительно хорошо. В 1917 году дед, помню, приглашал нас приехать из Петрограда в Терны вместо Ялты: «Остановитесь у нас, будет всё спокойно». Было. Но недолго: через два года после начала революции дом его сожгли. К счастью, дедушка остался жив, он был предупреждён своими крестьянами о приближающихся волнениях, поэтому уехал на Кавказ незадолго до этих событий. Хорошо, что отец в этот последний приезд взял из семейного альбома несколько фотографий своей матери Анны Николаевны Бутурлиной. Она потомок древнейшего русского боярского рода. Во всех редакциях и списках родословных книг XVI–XVII вв. имеется глава, включающая роспись Бутурлиных, объединённую с другими потомками легендарного Радши и его правнука Гаврилы Алексича – витязя Александра Невского. Интерес к родословным изысканиям не был чужд и предкам Анны Николаевны. В числе древнейших русских генеалогических памятников можно считать список «Память» и Письмо о старшинстве московских великокняжеских бояр, составленные иноком Троице-Сергиева монастыря Геннадием, в миру – Григорием Ивановичем Бутурлиным, в первой половине XV века. Разделившаяся ветвь Бутурлиных, особенно в годы опричнины, на московских и новгородских владельцев знаменитого своими иконописцами села Палех, объединилась в составе московского дворянства в XVII веке. Начиная с этого периода Бутурлины вновь выдвинулись на политическую арену, начали получать думные чины и дворянские титулы. Представители графской ветви Бутурлиных постоянно проживали в Италии. Бабушка Анна Николаевна скончалась в Тернах в 1906 году.

Удивительным образом я получил известие из этого имения в 1995 году. Письмо подписано господином Корнеевым А. И., председателем Недригайловского районного Совета народных депутатов. В нём описание имения Терны, вернее того, что от него осталось. Трогательная выдержка из оригинала документа с инвентарным номером: «Семейное имение князя Щербатова Терны не сохранилось. Сахарный завод работает. Рабочих – триста семьдесят пять человек. Из строений существуют: контора завода, прачечная (возле пруда), механическая мастерская. Сохранился винный погреб с помещением для музыкантов – сейчас здесь ресторан “Терн”. В хорошем состоянии двухэтажное здание – там сейчас восьмилетняя школа, а рядом с ним – второе двухэтажное здание, к которому, без нарушения архитектуры, пристроено новое здание, теперь это Дом культуры на че-

тыреста пятьдесят мест. Сохранились конюшни. Имеется парк, деревья которого уже вековые, но до сих пор виден хороший вкус создателя парка».

Это был первый контакт с бывшей родиной. Получив справку, я почувствовал себя заинтригованным, вдохновлённым, готовым к поездке в Сумскую область. Постарался увлечь этой идеей мою двоюродную сестру Гали из Техаса, урождённую Щербатову, дочь дяди Миши, с её помощью удалось уговорить Кирилла Щербатова из Ниццы, сына моего двоюродного брата и его мать, француженку. В последнюю минуту сам я из-за болезни жены поехать не смог, решил перенести встречу с прошлым на следующий год. Ну а родственники мои в 1998 году в «Тернах» побывали. И чуть позднее я получил копию статьи из газеты «Сумська Старовина», опубликованную в 1999 году.

«...Когда Екатерина I решила сделать небольшой подарок мужу своей сестры Анны Алексеевны Скавронской – Симону Гендрику (Гендрикову), – Терны были слободой, однако знаменитой тем, что эти места посещали венценосцы: Пётр I, заложивший новую церковь после Полтавской битвы, императрица Елизавета Петровна, исполнившая роль свахи в замужестве дочери Гендриковых, Марфы, и закрепившая за ней в потомственное пользование имение “Терны”. Когда вторая дочь Марфы, Елизавета – внучатая племянница Екатерины, вышла замуж за князя Щербатова, имение поделили между дочерьми. И надо сказать, делить было что: в 1750 году в “Тернах” было восемьсот тридцать дворов и около пяти тысяч человек, обширные пахотные земли и сенокосы, тринадцать мельниц и девять хуторов. Так с 1777 года князя Щербатовы были тесно связаны с Сумской землёй. Потомки Александра Петровича и Елизаветы Михайловны оказались не только блестящими придворными, военными, государственными служащими, но и рачительными хозяевами. Хозяйство Щербатовых считалось в Харьковской губернии одним из образцовых. В нём применялись передовые методы земледелия, разводили породистых лошадей и крупный рогатый скот. Недалеко от имения, в живописном месте возле минерального источника была построена лечебница и пансионат для страдающих кожными заболеваниями, туда приезжали лечиться даже из Европы.

Последними владельцами имения были князь Борис Сергеевич и княгиня Анна Николаевна, урождённая Бутурлина. Блестящая пара: он – полковник гвардии в отставке, воевавший против горцев на Кавказе и польских мятежников, предводитель дворянства Харьковской губернии, княгиня Анна (её мать тоже Щербатова) была высокообразованной женщиной, тонким ценителем живописи. Её перу принадлежит работа “Материалы для справочной книги по русским портретам”... Летом 1998 года в Сумы приехала делегация князей Щербатовых. Возглавляла её княгиня Гали Михайловна – дочь одного из сыновей последнего владельца Тернов. Когда мы подъезжали к посёлку, в машине повисла какая-то необъяснимая напряжённость. Щербатовы ехали в качестве иностранных туристов к себе домой. Ситуация абсурдна. Возвращались потомки людей, которые сделали для жителей этого посёлка гораздо больше, чем было сделано за все последние десятилетия. Эта встреча для всего посёлка стала настоящим праздником. Наверное, добрая треть жителей собралась для торжественной встречи. Помнят, помнят прежних подлинных хозяев некогда преуспевающего села и не забывают о том, сколько они сделали для Тернов. ...Не забывают о том, что именно на средства этой семьи был построен сахарный завод, который до недавнего времени давал возможность зарабатывать до пятистам жителям. А вот следов полувековой ненависти пролетариата к “угнетателям” заметить не удалось. Вместо этого наблюдалось очень заинтересованное отношение жителей посёлка к “нашим” князьям. За прошедшие годы исчезли мелкие недоразумения, оставив в памяти только твёрдое убеждение: это были настоящие хозяева и глубоко порядочные люди. По воспоминаниям Щербатовых, в главном доме было около ста комнат. Там хранились коллекции живописи, старинного оружия, посуды, мебели. В обширной библиотеке было немало редких изданий. В 1919 году огромный дом был разграблен и сожжён. Теперь с трудом можно установить даже место, где он находился. ...Та же судьба постигла и здание лечебницы и пансионата. ...Поэтому не стоит удивляться диалогу, который состоялся у гостей с делегацией наиболее активных терновчанок:

- Возвращайтесь, это же ваш настоящий дом.
- Как же мы можем вернуться, да у нас и денег-то теперь нет.
- Ничего, мы работать будем...

Интересно, что сказали бы основоположники теории классовой борьбы, услышав эти слова».

Какая тёплая статья. Не знаю, что сказали бы «основоположники», но думаю, что наш с Гали дедушка, Борис Сергеевич Щербатов, был бы доволен. Такие вот вести из прошлого...

«МАРЬИНО»

Вести из прошлого...

Перед возвращением из Тернов в Петербург мы решили остановиться в «Марьино», имении Бяратинских в Курской губернии. Три села, благодатные поля принадлежали некогда гетману Ивану Мазепе. Одно из сёл – Ивановское, позднее переименовано в «Марьино» в честь Марии (фон Келлер) – любимой жены основателя имения, Ивана Ивановича. Молодая графиня фон Келлер, дочь прусского посла в Петербурге, графа Доротея-Людвига фон Келлер и графини Сайн-Витгенштейн, была подругой детских лет императрицы Александры, жены Николая I; а его мать приходилась крёстной Марии, как и многим детям придворных особ, что являлось своеобразной традицией того времени. Бяратинский и Келлер встретились при царском дворе, и вдовец Иван Иванович вскоре увёз графиню в её имение «Марьино». Село перешло к Бяратинским вместе с его хозяйкой и было закреплено за ними с учётом заслуг Бяратинского перед Отечеством после предательства Мазепы и правительственной конфискации.

В Марьино запомнился восхитительный особняк, настоящий дворец. Внутри дома – огромные залы с античными скульптурами, редкой мебелью, словом, готовый музей. Спустя некоторое время после революции это имение действительно превратили в санаторий-музей. Часть мебели и ценности были разграблены, остальное – двадцать один вагон с произведениями искусств, книгами и драгоценностями – отправили в московский фонд.

Однажды, в 1945 году, в Баварии меня, в качестве знатока русского искусства, пригласил к себе американский военный и показал статуэтку императора Петра III, выполненную из слоновой кости. Я быстро нашёл надпись на обратной стороне: «В подарок моей племяннице Бяратинской». Эта племянница – прабабушка моего деда, урождённая принцесса Гольштейн-Бек, была замужем за отцом Ивана Ивановича Бяратинского. Милая вещица напомнила мне Марьино, и я спросил владельца:

– Как она к вам попала?

– Я приобрёл её в Германии. А вы знаете эту семью?

– Да. Это моя родственница. Дальняя, конечно...

После этого разговора американец явно избегал меня. Видимо, немцы, побывавшие в имении в начале войны, тоже вывезли какие-то вещи. Благо, что не уничтожили дом со всем содержимым. Причиной тому, вероятно, было наличие большого количества произведений искусства из Германии, вызвавших определённое благоговение.

Впрочем, всё это уже не важно. Интересно другое. В 2001 году я путешествовал по Греции, посетил Афон, где неожиданно встретился с паломниками из города Львова Курской области. Это рядом с нашим имением. Вскоре получил письмо от Михаила Лагутича, врача из санатория «Марьино», замечательного исследователя-историка. Завязалась деловая переписка: вопросы-ответы. Наконец – приглашение приехать. Надо сказать, я испытал большое искушение посетить места детских воспоминаний, могилы предков... Однако выяснилось, что могил как таковых нет, склепы разорены, кости из фамильной усыпальницы сожжены. Недавно получил копию статьи замечательного журналиста Феликса Медведева «Смерть после смерти», которую дочитывал почти сквозь слёзы: так живо описано бессмысленное уничтожение захоронений Бяратинских в «Марьино»: «К 1937 году, к моменту приезда на отдых в “Марьино” – в то время санаторий ВЦИКа – всесоюзного старосты Калинина, на вечном упокоении в усыпальнице под церковью находилось девятнадцать каменных гробов в нишах, богато убранных. Партия боролась с Богом, и церковь посещали мало... Получив разрешение Калинина снести верхний этаж церкви и использовать кирпичи для постройки школы... вдохновлённые селяне снесли и второй этаж храма и пять его престолов... Когда встал вопрос, что делать с захоронением Бяратинских, местный партиец бросил слова: “А что с ним делать, сжечь его, да и вся недолга”. И работа закипела. Выбрав самых сильных мужиков, кувалдами и молотками красные атеисты вдарили по гробницам. Разлетались вокруг осколки мрамора, прочные лепнины, кирпичная кладка. Начали с князя и княгини. Когда сняли крышки гробов, перед святотатцами предстала сказочная картина – лежали, как живые, мужчина и женщина в сохранившихся одеяниях, нарядах и украшениях. На князе, победителе Кавказа, выдающемся русском полководце, был золочёный мундир с эполетами, царские награды. На княгине сохранились платье и обувь... На вопрос Ф. Медведева: “А где же захоронили останки?” – последовал ответ внучки одного из вскрывателей: “Захоронили? Ну что вы. Они были сожжены на колхозном дворе”. Склеп превратили в котельную и склад угля... Из всего могильника сохранились лишь два массивных надгробья, которые валялись во дворе школы, пока в 1990 году при поддержке директора санатория “Марьино” Бориса Воровича, патриота и великого подвижника, их не установили на Овальном острове пруда...» Печальная история.

Особенно обидно за генерал-фельдмаршала Александра Ивановича Барятинского, одного из четырёх сыновей Ивана Ивановича и Марии фон Келлер. Это был фантастический человек, талантливый военный, он многие годы защищал Кавказ и пленил в труднодоступных горах Гуниб-Дага известного имама Шамиля, предводителя горцев в борьбе с Россией, с которым позднее состоялся в дружеской переписке. Сдавшись фельдмаршалу, Шамиль присягнул на верность русскому царю Александру II, при этом завещал единоверцам-мусульманам не воевать с Россией.

Герой Кавказских войн, уйдя в отставку, провёл большую часть жизни вдали от родины. Сначала, женившись на Давыдовой, он отправился с ней в Польшу, затем в Женеву, где Александр Иванович умер от ран, причинявших такие нестерпимые боли, что приходилось прибегать к морфию. Лечение не приносило особого успеха. Собственно, болезнь была одной из причин его отъезда в Европу. По той же причине он, старший в роду, передал свой майорат (полностью передаваемое, неделимое наследство) на имение «Марьино» второму брату, Владимиру Ивановичу Барятинскому, отцу моей самой близкой тётки, Марии Владимировны. Прах фельдмаршала согласно его завещанию был перевезён из Европы в «Марьино» – имение родителей. В Женеве, между прочим, в русской церкви – месте первоначального упокоения Александра Ивановича – сохранилось надгробие с фельдмаршальским жезлом над пустой гробницей. Там сохранилось... Стоило ли возвращать тело Барятинского, чтобы он умер после смерти?

Жаль, что нескольким поколениям русских людей преподносилась искажённая, подтасованная история России... Возможно, многого варварства россияне бы избежали, зная фактическое положение дел. Надо сказать, что за воспоминания я взялся с одним желанием: хотя бы отчасти восстановить историческую правду. Надеюсь быть услышанным.

Справка о семье Барятинских, в частности об Александре Ивановиче, напечатанная в Русском Биографическом словаре, изданном в Санкт-Петербурге в 1900 году, даёт подробное описание заслуг перед родиной и наград фельдмаршала, его побед на Кавказе, о покорении горских племён, встретивших назначение сорокалетнего князя Барятинского в качестве кавказского наместника «редким ликованием. Кавказ от мала до велика, от рядового до генерала, был счастлив и гордился тем, что новый начальник СВОЙ человек, крещённый кавказским огнём, дважды пронзённый горской пулей и знающий страну и её население вдоль и поперёк. Эта общая радость ярко выражалась в статьях газеты “Кавказ”. Нововведения его были широкомасштабны: от постройки Военно-Грузинской дороги до забот о возрождении вытесненного мусульманами христианства, экономических и политических преобразований». Замечательные рекомендации князя Барятинского позволяли многие годы сохранять мир на Кавказе, соблюдая взаимные интересы: «Помимо своей политической и исторической роли, Кавказ ещё и источник средств в государственную казну, для чего надлежит только поднять его культуру и вести здесь разумное гражданское управление, которое, не обезличивая местные народности, связало бы их неразрывными узами с Россией».

С надеждой на урегулирование сегодняшних разногласий в чеченском вопросе, я в 2001 году передал вывезенную из Рима переписку имама Шамиля и фельдмаршала Барятинского – президенту России Владимиру Владимировичу Путину. Я учитываю, конечно, тот факт, что Шамиль, человек благородный и образованный, не чета сегодняшним лидерам Чечни, людям другой формации, без принципов и духовной культуры. Порой именно личные качества лидеров решают исход борьбы. Наместник Кавказа, мужество которого стало почти легендой, несомненно, был настоящей личностью, если ему удалось вызвать уважение и симпатию такого серьёзного противника. Мне, знавшему фельдмаршала лишь по рассказам родственников, было приятно найти всё в том же биографическом словаре близкое к знакомому образу описание характера князя Александра Ивановича. Одной из главных черт которого было – упорство в достижении цели. «По свойству своего характера князь Барятинский считал однажды задуманное подлежащим возможно быстрому и решительному исполнению, причём препятствия падали сами собой. Умея верно рассчитать шансы успеха, наместник действовал решительно и безошибочно». Ничего удивительного, если знать, как формировался с самых юных лет характер князя. Отец его, Иван Иванович, разработал целую инструкцию по воспитанию своего старшего сына.

До пяти лет мальчику следовало оставаться под женским присмотром. После этого возраста он переходил на попечение гувернёров, занимавшихся его физическим развитием, неизменными атрибутами которого были холодный душ, гимнастические упражнения, езда на неоседланных лошадях. Пять лет, с семи до двенадцати, отводилось на изучение русского, славянского, латинского и греческого языков, при этом особое внимание уделялось родному слову, а также рисованию и арифметике. После двенадцати лет шло целенаправленное изучение механики, прикладной математики и столярного дела – всё, чтобы пробудить у молодого человека интерес к занятиям земледелием, что и было основной целью родителей. Развитию памяти способствовало запоминание поэтических

произведений, выработке красноречия – произнесение вслух сочинённых самим учеником речей. На путешествия отводилось шесть лет: четыре года – по европейской, два – по азиатской России. По окончании путешествий юноша должен был поступить на службу в министерство внутренних дел или финансов, но не в военную, придворную или дипломатическую службы. Увы, мечте родителей не суждено было сбыться, поскольку молодой князь выразил твёрдое намерение стать военным. Согласно же инструкции родителей ему полагалось на старости лет, по выходу в отставку с министерского поста, осесть в деревне, чтобы «позаботиться о просвещении и благополучии своих крестьян». По такой или близкой к этой схеме проходило тогдашнее воспитание детей в этой семье.

Кстати, «для участия в захоронении фельдмаршала в фамильном склепе приехал наследник русского престола цесаревич Александр Александрович, а с Кавказа явились депутаты от горцев и кабардинского полка...» Теперь вот выяснил, что потом... Потом явились всероссийский староста Калинин со товарищи и распорядились очистить помещение... Ну, как говорится, Бог простит.

Кстати, мало кому известно, что мне приходилось слышать, что история «Марьино» как санатория началась ещё в 1920 году. Тогда раненого Ленина после неудачного покушения на него Фанни Каплан, по совету личного врача, доктора Елизарова, привезли в наше имение для лечения. Вождь революции оказался человеком не брезгливым и несколько месяцев усиленно питался овощами и фруктами, которые круглый год выращивались в оранжереях поместья Барятинских.

Что ж, вернусь к своей истории.

В том же 1916 году мы провели часть лета в имении «Анна».

«АННА»

В 1916 году мы провели часть лета в имении «Анна». Это имение принадлежало дедушке, – Владимиру Анатольевичу Барятинскому, женатому на Надежде Александровне, урождённой графине Стенбок-Фермор. Стенбок-Фермор – знаменитая шведская семья, постепенно обрусевшая с переходом Прибалтики к России. Бабушка – самая богатая представительница этой фамилии, прапраправнучка владельца металлургических заводов Урала Саввы Яковлева. В честь неё ряд предприятий на Урале названы Надеждинскими. К моменту нашего приезда дедушка уже умер, бабушке было одиноко, и она решила сменить обстановку, собралась уезжать в Ялту, в тепло. Мы заехали попрощаться.

Имение «Анна» находилось в Воронежской губернии, примерно в двухстах километрах от Курска, но значительно отличалось от «Марьино»: дикая степь, огромные птицы дрофы, степные удавы. Как всё необычно! Дом был большой, с двумя флигелями по бокам, в одном из которых мы жили. Вспоминаю, как я боялся ходить по галерее, соединявшей боковой флигель с основным зданием, где располагалась столовая. Вдоль стен длинной галереи стояли чучела животных очень хорошей работы. В первую минуту мне показалось, что они настоящие и все смотрят на меня. Я, готовый бежать обратно, выдернул руку из Гофочкиной, но она спокойно и мудро напомнила: «Ты уже взрослый, Алексей, и очень храбрый, ты не побоишься пройти». После таких слов я всё-таки прошёл почти с достоинством, полузакрыв глаза и прижимаясь поближе к ней. Потом уже ходил уверенно. По-настоящему мне не повезло в общении с другим обитателем «Анны». Я любил заходить в курятник или в соседнее помещение, где жили козы. Один козёл по кличке Казимир мне особенно нравился. Все говорили, что он злой, и мне захотелось его приручить. Набравшись смелости, я подошёл к нему, чтобы погладить, ласково нашёптывая: «Казимир, Казимир». Он без особой симпатии посмотрел на меня и отпихнул головой с такой силой, что я упал. Поднявшись, я начал приводить себя в порядок со словами: «Какое безобразие», за что козёл боднул меня снова, свалив с ног. К счастью, серьёзных последствий моего визита к Казимиру не было. Тогда я пожалел, что не надел свою военную форму. Потом часто проходил в ней мимо Казимира, компенсируя своё унижение. В этой форме на фоне флигеля меня сфотографировал специально приглашённый фотограф, чтобы послать снимок отцу на фронт.

Помню ещё, что в Воронежской губернии было невероятное количество птиц, и мы часто ездили на охоту на так называемых линейках – длинных телегах, запряжённых двумя-тремя лошадьми, с сиденьями вдоль бортов. С телег было удобно наблюдать, как охотились взрослые мужчины – мой дядя, отец, приехавший с фронта, брат Кирилл и соседи. Мои братья иногда вдвоём за несколько часов приносили двадцать-тридцать уток или перепёлок. Дроф вскоре запретили убивать. Сейчас они, по-моему, вообще исчезли.

Я любил там кататься на пони или на маленьком ослике, мечтая скорее оседлать настоящего коня. Немного завидовал старшим братьям, замечательным наездникам, особенно Владимиру, который был старше меня на шесть лет. Пробыли мы там несколько недель, проводили бабушку в Крым и вернулись в Петроград с обещанием вскоре присоединиться к ней в Ялте.